

ГЕНЕРАЛ ТИМАНОВСКИЙ.

Впервые я увидел Николая Степановича Тимановского в дни зарождения Добровольческой Армии. Мы все, явившиеся в Новочеркасск на Барочную улицу № 36, восхищались "быховцами" и к их числу присоединяли и полковника Тимановского. Хотя он и не был в заключении, но его роль охранителя узников была известна. Вокруг его имени уже сложилась легенда, и я жаждал увидеть одного из "самых награжденных", как говорили, полковников русской армии. Знал я немало и его прошлую историю.

Выйдя добровольцем (гимназист 6-го класса) на Японскую войну, он получил два Георгия и пулю в спинной хребет. Эвакуированный, он лежал в госпитале, почти в безнадежном состоянии. Государь обходил тяжело раненых и остановился около молодого вольноопределяющегося.

- Когда вы поправитесь, - спросил Государь, - то что вы намерены делать?

- Служить Вашему Величеству.

Ответ понравился Государю, и он приказал принять расходы по лечению на Высочайший счет. Лечился Николай Степанович долго, но железная натура взяла свое, и он поправился настолько, что впоследствии прошел Офицерскую гимнастическую школу.

Великая война - и подвиги за подвигами в рядах Железной дивизии. Мне рассказывали, как Николай Степанович, еще не оправившись от очередного ранения, повел батальон 13-го стрелкового полка в атаку против немцев - в белой рубашке, опираясь на клюшку. Вероятно, с этого времени подполковник Тимановский и превратился в "Степаныча".

Итак - Новочеркасск, Барочная улица; я разговариваю в маленькой комнате с "сэром" Аладыным и пресловутым матросом Баткиным, удивляясь, отчего он матрос и откуда у него такая развязность, как входят сюда же доктор Г.Д.Родичев и полковник Тимановский. Высокий рост, атлетическое сложение, ясные, голубые, близорукие глаза за очками и слегка развалистая походка, такая странная для пешотного офицера - все говорило о силе и простоте, составлявших такой резкий контраст с поведением Аладына и Баткина.

Первый Поход. Степаныч - помощник генерала Маркова. Сергей Леонидович Марков, всегда скачущий, всегда восхищающийся, яркий, огненный - и невозмутимый, молчаливый, со смешинкой в глазах, всегда пеший полковник Тимановский. Какие имена, какие люди! Где все это?!

Во время Первого похода мы Степаныча недостаточно оценили, да и не гудрено, так как нами командовал генерал Марков, а рядом с ним все меркли. Но характерно то, что из плеяды блестящих офицеров генерал Марков выбрал себе в помощники Тимановского. Штаб генерала Маркова состоял из "Степаныча" по оперативной части и "Гаврилы" (доктор Г.Д.Родичев) - по инспекторской. Вся канцелярию и все сумы полка этот последний носил всегда при себе в сумке через плечо.

Во Втором походе Николай Степанович командовал уже Марковским полком. Славные бои под Кагальницкой, Тихорецкой... Особо памятные славные для Степаныча бои под Кореновской - той самой Кореновской,

где столько было пролито крови еще в Первом походе... Наш полк изнывал от потерь. Наступление наше захлебнулось. Отдельные слабодушные бойцы отходили. Критический момент. Неожиданно в полк прибыло небольшое пополнение кубанцев. Генерал Тимановский наспех построил этих не сбитых еще в воинскую часть людей, можно сказать - толпу, и повел в атаку, увлекая личным примером. Перелом наступил. Мы победили.

Мне трудно привести какие-нибудь красочные по внешности эпизоды из боевой службы Николая Степановича, потому что у него было так все обыденно, просто... Степаныч в бою был всегда спокоен, все видел, все знал. Под его взглядом и треск становился храбрым, потому что в его присутствии и выстрелы, и пение пуль - все это казалось каким-то "домашним" и безопасным... Чего же бояться, когда все происходит так, как нужно? Полк обходят большевики справа? Вот это хорошо: резервная рота сможет ударить им во фланг, а команда разведчиков их потом атакует и будет рубить...

Моя близость с Николаем Степановичем началась в Екатеринодаре, осенью 1918 года, где полк оставлен был на отдых после Второго похода. Почти каждый вечер я обедал в штабе полка. Степаныч, истинно русская душа, очень любил всегда большое общество за столом, хорошее пение и застольную беседу. Любил выпить и пил много, но не пьянел, а только оживлялся. "Градусом" он облегчал свои недомогания от бесчисленных ранений. Всегда радушный хозяин - за столом у него царил непринужденное настроение. Нехитрая закуска, "рыженская" водка, подкрашенная иодом, дружеская беседа. Помню, капитан Салтыков и доктор Ревякин поют дуэтом "Уж вечер, облаков померкнули края...". Тимановский слушает, склонив голову на бок. Потом хор затягивает русские песни... Внезапно, как бывает, водворяется молчание, все затихает, как говорится - "дурак родился". Степаныч, глядя куда-то вдаль, начинает басом речитатив из "Бориса Годунова"...

В Екатеринодаре влиты были тогда в полк большие пополнения. Поэтому, пользуясь отдыхом, усиленно велись строевые занятия. Как бы поздно ни легли, а рано утром полковник Тимановский уже обходит, все смотрит, бодр и свеж, как огурчик.

Начались тяжелые бои под Армавиром. Находясь в резерве, я соскучился по командиру и пошел его навестить на курган, на котором он находился дено и ночью, руководя боем. Верхушка кургана уже была сбита, и вообще дело было жаркое.

- Здравия желаю, господин полковник!

- Ты чего, Боген?

- Соскучился, господин полковник.

- Врешь, небось наливки захотелось? Ну, пей, только не всю.

У Степаныча всегда висели на поясе маузер и фляжка с "фельд-маршальской" наливкой - спирт на красном перце. По поводу этой "наливки" вспоминается мне один случай. Во время Второго похода мы грузились впервые на железную дорогу. Маленькая платформа, ветер, холодище. Степаныч подпрыгивает и подшучивает над окружающими. Подходит полковник Кутепов.

- Что, Александр Павлович, холодно?

- Холодно, Николай Степанович.

- Хотите наливки?

- Конечно.

Степаныч радушно отстегивает фляжку и угощает. Никогда не забуду ужаса на лице Кутепова (вообще ничего не пившего) и веселого блеска в глазах Тимановского.

Когда ему дали бригаду и генеральский чин, то в сердцах марковцев боролись два чувства - огорчения, что Степаныч уже не наш командир, и гордости, что он уже бригадный генерал. Вскоре генерал Тимановский был откомандирован для формирования Отдельной Одесской бригады. Попал он в Одессу сразу в очень сложную обстановку - политики, интриг, местных самолюбий. Но нисколько не потерялся, умел быть корректным и строго исполнял порученное ему дело, хотя мы, молодые, и будировали, и удивлялись, что он безоговорочно подчинялся самозванному, как нам казалось, одесскому начальству. Зато, когда греки и французы начали уходить и предоставили нас самим себе, Степаныч сразу стал начальником единовластным и уверенным. Начался отход в Румынию с полусформированной бригадой, сначала походным порядком, потом на пароходах. В Румынии тоже не легко пришлось. И хотя Тимановский дипломатию разводить не умел, но наше русское достоинство сохранить сумел и категорически отказался, на требование румынских властей, сдать им оружие.

Из Румынии бригада морем была перекинута в Новороссийск. Вышли на фронт, и очень скоро Степаныч получил 1-ую пехотную дивизию, в которую входил и наш родной Марковский (офицерский) полк.

Начались непрерывные бои. Поход на Москву. Я не стратег, конечно, но на мой взгляд строевого офицера Тимановский великолепно справился с командованием, несмотря на то, что дивизия очень разрослась и насчитывала девять отдельных частей.

Вспоминается случай в Белгороде, где довольно долго стоял штаб дивизии. На фронте произошел прорыв, и в городе стало очень беспокойно. С минуты на минуту ждали, что могут появиться красные, и началась паника. Генерал Тимановский был уверен, что прорыв удастся ликвидировать, но в самом городе войск у него не было, а панику нужно остановить. Тогда он приказал вызвать на вокзал оркестр 1-го полка, и первые звуки бравого фанфарного марша произвели успокоение среди жителей, которые поняли, что раз штаб "веселится", то опасности нет.

Когда "цветные" были развернуты в дивизии, Степаныч получил Марковскую дивизию. С нею мы дошли до Орла.

Когда началось отступление, особенно сказалась доблесть Тимановского. Он не только не пал духом, но в обстановке поистине трудной и тяжелой умел поддержать его в своих полках и, отступая, продолжал бить большевиков.

Еще из Курска я был командирован в Одессу и при конце Степаныча не присутствовал. Он заболел тифом. Долго не хотел поддаваться болезни, никто не мог уговорить его эвакуироваться. Лечения не признавал и "лечился" сам - пил спирт и ел снег. Такого лечения даже его сердце не выдержало...

Возвращаясь из командировки, в Новороссийске я узнал, что наш фронт - на Дону, что Марковская дивизия в последних боях почти вся уничтожена, что генерал Тимановский умер.

Впервые за всю гражданскую войну я почувствовал, как мое сердце замерло и оборвалось... И в моей душе навсегда все эти несчастья слились в одно.

Всеволод Богенгардт.